

УДК 82.0(092)

А.С. АРХАНГЕЛЬСКИЙ: ПУТЬ В НАУКУ**Л.Я. Воронова***Аннотация**

В статье рассматривается один из этапов (1872–1882 гг.) жизни и научной деятельности А.С. Архангельского, профессора Казанского университета, видного представителя русского академического литературоведения. На основе документальных источников прослежено становление Архангельского как учёного, выявлен круг лиц, оказавших влияние на формирование его взглядов, показано взаимодействие филологов Казани, Москвы, Санкт-Петербурга в деле подготовки научных кадров в области русской словесности.

Ключевые слова: А. Архангельский, биография, Казанский университет, Н. Булич, история русского литературоведения.

История регионального литературоведения изучается в настоящее время во многих научных центрах и университетах России, среди которых Казанский (Приволжский) федеральный университет, Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Поволжская социально-гуманитарная академия, Тверской государственный университет, Тюменский государственный университет и др. Можно выделить такие направления исследований, как осмысление истории кафедр, факультетов, филологических школ того или иного учебного заведения за какой-то конкретный период времени или за всю историю существования, анализ методологических подходов и проблематики исследований, определение основных достижений (см. [1–5]). Весьма востребованы монографические исследования жизни и деятельности выдающихся учёных. Они представлены отдельными статьями, научными биографиями, очерками и даже целыми сериями, как, например, «Выдающиеся учёные Казанского университета», «Самарские филологи», «Учёные СГУ». Возрождается интерес и к изданию биографических и биобиблиографических словарей литературоведов (см., например, [6–7]).

Большое место в обобщающих и монографических работах, как правило, занимают архивные, источниковедческие исследования, благодаря которым глубже раскрываются как личные судьбы, так и история региональных школ, вводятся в научный оборот новые материалы. Показательны, например, издания Саратовского университета: «С.Л. Франк. Саратовский текст» (2006), «А.П. Скафтымов. Новые материалы» (2006).

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А.18.21.0536.

Цель настоящей статьи – на основе архивных материалов реконструировать один из важнейших этапов жизни А.С. Архангельского, связанный с учёбой в Казанском университете и подготовкой магистерской диссертации. Это позволит не только раскрыть новую страницу в его биографии, но и показать, как проходила подготовка научно-педагогических кадров в области русской словесности в Казанском университете, а также расширить существующие представления о контактах и взаимоотношениях «провинциальных» и «столичных» учёных во второй половине XIX в. Ни в одной из существующих биографий А.С. Архангельского (см. [8, с. 23–25; 9, с. 56; 10, с. 111–112]), в том числе и в самом полном на сегодняшний день биографическом очерке, подготовленном автором (см. [11]), эти задачи не ставились, что определило новизну работы.

Источниками изучения стали письма, представления, отчёты и другие документы из собраний рукописных фондов Института русской литературы Академии наук РФ (Пушкинский дом), Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Национального архива Республики Татарстан, а также исследования по истории Казанского университета, труды представителей академической науки, в том числе самого А.С. Архангельского.

Краткие сведения о происхождении, семье, образовании представлены в автобиографических справках, подготовленных А.С. Архангельским для различных энциклопедических словарей [12, 13; 14, с. 85].

Александр Семёнович родился 12 (24) июля 1854 г. в Пензе. Его отец, Семён Кузьмич Архангельский, окончивший курс в Горыгорецком земледельческом институте, сначала был преподавателем семинарии, потом стал священником, служил протоиереем Введенской церкви и законоучителем в женской гимназии, а мать, Серафима Михайловна Архангельская, урождённая Зыкова, занималась воспитанием детей. А.С. Архангельский первоначальное образование получил в Пензенском духовном училище и Пензенской семинарии, из 5-го класса последней в 1872 г. он поступил на историко-филологический факультет Императорского Казанского университета.

Пореформенное время (1863–1884) в Императорском Казанском университете, как, собственно, и в других российских университетах, по мнению историков, отмечено расширением направлений научных исследований, появлением научных обществ и кружков, возрастанием роли университета в общественной и культурной жизни города (публичные лекции профессоров по актуальным темам, участие в общественных и профессиональных организациях, помощь средней школе, сотрудничество в периодических изданиях города и т. д.) [15, с. 78–96]. Значительное большинство университетских профессоров «придерживались откровенно либеральных воззрений» [16, с. 138], что способствовало обновлению программ преподавания, изменению формата общения преподавателей со студентами, демократизации университетской жизни в целом¹.

---

¹ В монографии Л.П. Лаптевой проводится мысль о «консервативном духе профессорской коллегии и казанского общества в целом», о «далеко не демократичной» обстановке в университете и в городе [17, с. 735], и этим объясняются текучесть преподавательских кадров, частые переводы студентов из Казани в другие университеты, непривлекательность Казанского университета в глазах видных учёных России, которые не очень охотно ехали в Казань и т. д. Эта точка зрения не согласуется с исследованиями историков университета, основанными на многочисленных архивных документах фондов Казанского университета и попечителя Казанского учебного округа [15, 16, 18], и нам трудно с ней согласиться.

Историко-филологический факультет Казанского университета, хотя и не был в числе привлекательных для студентов (в плане перспектив будущей профессиональной карьеры), тем не менее создавал весьма благоприятные условия для формирования у студентов широкого мировоззрения, вкуса к серьёзным занятиям. Из одиннадцати кафедр факультета шесть имели филологическую направленность: истории русского языка и литературы (истории русской словесности), греческой словесности, римской словесности, истории всеобщей литературы, славянской филологии (славянских наречий, истории славянских литератур, славянских древностей), сравнительной грамматики индоевропейских языков. Практически все кафедры замещали профессора, прошедшие заграничные стажировки, «школу западноевропейской науки», их преподавательская деятельность сопровождалась научными исследованиями в области древнеславянской письменности, классической филологии, истории средневековой и новой русской литературы, а также славянских языков, литератур и культур. Большое внимание уделялось развитию у студентов инициативности, творческого начала, навыков самостоятельного исследования (проведение практических занятий, конкурсов студенческих работ, индивидуальная работа с талантливыми студентами, публикации лучших работ и т. д.).

Для уяснения того, что дал университет А.С. Архангельскому, познакомимся с теми из профессоров, которые сыграли наиболее важную роль в его духовном развитии и оказали существенное влияние на его дальнейшую деятельность.

Остановимся прежде всего на профессоре русской словесности Николае Никитиче Буличе, прошедшем путь от адъюнкта до профессора, декана историко-филологического факультета и ректора Казанского университета [19].

Автор немногочисленных, но интереснейших исследований по истории отечественной словесности XVIII – XIX вв., особенно ценных по привлечённому свежему, ещё нетронутому материалу, а также строго научному методу, Н.Н. Булич своей профессорской деятельностью стремился создать школу самостоятельных специалистов в области отечественной литературы. Он старался приучить своих студентов к внимательному и тщательному изучению источников, к объективности в выводах, знакомил их с теми научными приёмами, которые применял в своих трудах. Лекции Н.Н. Булича отличались глубиной мысли, широтой освещения литературных явлений, которые рассматривались в тесной связи с общественными течениями, в контексте образовательной политики российского государства, культурной жизни российской провинции, а также живой речью, простой, изящной и остроумной. Они не могли не возбудить у слушателей интереса к предмету и к самому профессору и объясняют нам тайну того продолжительного успеха и того огромного влияния на студенческую аудиторию, о которых говорили выпускники историко-филологического факультета разных лет.

Так, профессор русской истории Д.А. Корсаков отмечал в своих воспоминаниях: «Его продолжительное пребывание за границей, что в то время было далеко не так общедоступно, как теперь, и успех его университетских чтений ставили в моих глазах Н.Н. Булича на недостижимый для меня научный пьедестал! На него смотрел я, как на представителя строгой, западноевропейской науки, каковым он был в действительности. Его лекции по истории русской

литературы, особенно новой, эпохи Петра Великого, были взяты моим учителем, студентом-филологом Н.И. Виноградским, в качестве материала для уроков со мной... Эти лекции, наряду с лекциями С.В. Ешевского... и с появившимися тогда в журналах статьями из той же эпохи: Пекарского, Лонгинова, Сухомлинова, Щебальского, Семевского и других, оказали большое влияние на мои последующие научные занятия» (К., с. 247–248).

Следы влияния Н.Н. Булича довольно явно обнаруживаются в трудах А.С. Архангельского. Тщательное и вдумчивое отношение к достижениям предшественников, поиск своего пути, внимание к источникам и фактам, обилие разнообразного материала, привлекаемого для разрешения того или другого вопроса, продуманность выводов – все эти характерные особенности работ А.С. Архангельского заставляют вспомнить о том, что с такой настойчивостью проповедовал на своих лекциях и профессор истории русской литературы Н.Н. Булич.

Нельзя не отметить и значения Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ в формировании А.С. Архангельского как исследователя. Казанский период этого европейски образованного языковеда-философа (1874–1883) – это время становления и утверждения его общелингвистических взглядов, формирования новой научной парадигмы в области языкознания, период прихода в науку студенчества. И.А. Бодуэн де Куртенэ сумел привлечь к филологическим занятиям теоретического и практического характера студентов с разных курсов, став «духовным вождем» одаренной молодежи [20]. Он «относился к студентам не как генерал или, по крайней мере, штаб-офицер к нижним чинам, но как старший товарищ и научный руководитель к начинающим заниматься» (БдК, с. 49).

Участниками «лингвистического общества», или так называемых «субботних вечеров», были профессорские стипендиаты, молодые преподаватели, студенты Казанского университета и Казанской духовной академии (А.И. Александров, А.И. Анастасиев, А.С. Архангельский, В.А. Богородицкий, П.В. Владимирова, Н.С. Кукуранов, И.И. Смирнов, А.А. Царевский и др.). На заседаниях, которые часто проходили в доме самого учёного, студенты знакомились с отдельными разделами науки, читали рефераты и свои собственные исследования, обменивались мнениями. По признанию Бодуэна де Куртенэ, он «давал всё, что мог, выкладывал перед слушателями и участниками практических занятий все свои знания и общие замечания, без зависти, не оберегая ревностно и завистливо своей “умственной собственности” перед непосвященным взором» (БдК, с. 49–50). Наверное, поэтому здесь «господствовало общее воодушевление и горячий интерес к науке: “руководитель” и “руководимый” воздействовали друг на друга и создавали настоящую научную атмосферу» (БдК, с. 49).

Интерес к изучению языка Архангельский пронёс через всю жизнь, несмотря на то что основной областью его научных интересов была литература. Он исследовал с точки зрения текста и со стороны языка памятники южнославянской и древнерусской письменности, которые оставались или совсем неизвестными, или малоизученными в России, в своих комментариях нередко отмечал языковые и стилистические особенности изучавшихся произведений, в лекционных курсах обращал внимание на неразрывную связь истории языка с историей литературы и историей народа, стремился не только к изучению отдельных памятников,

явлений, но и к широким научным обобщениям, что было так важно для Бодуэна де Куртенэ.

Определённую роль в подготовке А.С. Архангельского сыграл Мемнон Петрович Петровский, ученик профессора В.И. Григоровича, основателя Казанской школы славяноведения, проработавшего в университете около четверти века (1838–1864), и преемник его по кафедре славянских наречий [21]². М.П. Петровский в 70–80-е годы XIX в. плодотворно занимался текстологическими и архивными исследованиями, изучением истории славянских языков и литератур, редактировал и издавал памятники письменности, переводил произведения славянских писателей, поэтов (Я. Коллара, А. Мицкевича и др.) и учёных (И.В. Ягича). На своих лекциях он знакомил студентов с особенностями славянских языков (сербского, польского, чешского, хорватского и прочих), историей церковно-славянской письменности и словесности польской, сербской и других, раскрывал возможности сравнительного изучения языков и литератур. Но Петровского интересовали не только древности, но и литература Нового времени (творчество С.Т. Аксакова, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, М.В. Ломоносова и др.), он часто выступал с рецензиями на страницах ведущих российских журналов, таких как «Вестник Европы», «Русский вестник», «Русский филологический вестник».

Помимо названных профессоров Императорского Казанского университета, благотворное воздействие на студентов, интересующихся русской словесностью, оказывал профессор Казанской духовной академии Иван Яковлевич Порфирьев, тоже ученик В.И. Григоровича. Он поддерживал научные контакты с профессорами многих российских университетов, поощрял научные занятия семинаристов и охотно помогал им и студентам университета в поиске источников, научно-критической литературы, под его руководством производились разбор, описание рукописей библиотеки Соловецкого монастыря и публикация соловецких памятников, а непосредственное участие в этом принимали преподаватели, студенты, профессорские стипендиаты университета.

Порфирьев был «одним из пионеров отечественной критической текстологии, без которой невозможно глубокое изучение древней литературы» [23, с. 7]. Новым словом в изучении древней литературы были докторская диссертация «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки» (1873), принёсшая Порфирьеву известность и звание члена-корреспондента Императорской Академии наук, и его фундаментальный труд «История русской словесности. Древний период. Устная народная и книжная словесность до Петра Великого» (1870), ставший, можно сказать, настольной книгой для многих филологов и историков русской культуры.

Многоаспектность вопросов изучения славянской письменности, в силу которой М.П. Петровский и И.Я. Порфирьев останавливались на литературной стороне русской истории и придавали большое значение древнерусской словесности в её связях и взаимодействиях с другими литературами, в значительной

---

² Не все современные исследователи признают существование в прошлом школы славяноведения в Казанском университете. Л.П. Лаптева, например, называет казанскую школу славяноведения «очередным мифом, выстроенным на почве ложного патриотизма» [17, с. 753] и весьма критически оценивает статью Г.П. Мягкова и Н.И. Макаровой 2006 года [21], но не учитывает более позднюю работу учёных 2011 года, где они конкретизируют и объясняют свои позиции относительно школ прошлого [22].

степени обусловила выбор Архангельским основного направления исследований в дальнейшем.

В 1876 г. А.С. Архангельский окончил университет со степенью кандидата, которая давала выпускнику некоторые привилегии. Однако не ради должностных привилегий стремился получить её Архангельский. Уже в студенческие годы у него обнаружили не только интерес, но и способности к научным занятиям филологией – недаром Н.Н. Булич высказывал сожаление о том, что Архангельскому не удалось остаться в Казани. Он не разделял оптимизма и надежд выпускника на то, что в Симбирске, куда Архангельский отправился после окончания университета, можно будет подготовиться к магистерскому экзамену и через три-четыре года вернуться в Казань для сдачи одного (НА РТ 1, л. 1 об.).

Однако А.С. Архангельский был полон решимости. «Стремясь к осуществлению своей задушевной мечты...» (НА РТ 1, л. 2), он, работая учителем русской словесности в Симбирской гимназии, готовился к магистерскому экзамену по литературе. Им были прочитаны практически все произведения, указанные в «Истории русской словесности» И.Я. Порфирьева; изучены (даже законспектированы) десятки монографий, лекционных курсов, журнальных статей виднейших исследователей русской литературы: А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, А.Д. Галахова, И.Я. Порфирьева, А.Н. Пыпина, И.С. Тихонова и др.; просмотрены периодические издания различного характера – от «Православного собеседника», «Летописей русской литературы и древностей» до «Москвитянина». Два года, прошедшие после окончания университета, «не уничтожили... прежнего намерения и желания заниматься серьёзно, – напротив, ещё более усилили и укрепили это желание» (НА РТ 1, л. 2). Вместе с тем Архангельский вынужден был признать, что «быть хорошим учителем и готовиться к экзамену – две вещи несовместимые» (НА РТ 1, л. 2 об.). В письме от 1 мая 1878 г. он обратился за помощью к Н.Н. Буличу:

«...Проститься навсегда с своими мечтами *заниматься серьёзно*, навсегда оставить эти занятия, к которым я всегда так стремился и так привык в университете, проститься навсегда с ними и на весь век ограничить себя поправкой тетрадей, спрашиванием да задаванием уроков – воля Ваша! – я не могу! Верьте – *не могу!*.. Николай Никитич! Дайте совет, научите!.. Я обращаюсь к Вам, как к человеку, который всегда был расположен ко мне... Если у Вас осталась хоть часть того расположения, которым я пользовался в университете, – Вы можете мне...

Я высказал Вам свою идею, к которой стремлюсь; научите, *как* её достигнуть... С нетерпением буду ожидать Вашего ответа, от которого зависит почти моя участь...» (НА РТ 1, л. 2 об.).

Поддержка Н.Н. Булича, заслуженного ординарного профессора, в дальнейшей судьбе А.С. Архангельского сыграла, безусловно, решающую роль. Уже 14 мая 1878 г., видимо, по совету профессора, Архангельский подал прошение на историко-филологический факультет о зачислении его в сверхштатные стипендиаты при университете и об освобождении от службы (НА РТ 1, л. 3). А 30 мая Совет Казанского университета принял решение об оставлении Архангельского в университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской словесности, правда, в качестве сверхштатного стипендиата, без

содержания (НА РТ 1, л. 3 об.), поскольку ранее к кафедре, по рекомендации Н.Н. Булича, уже был прикреплен в качестве профессорского стипендиата выпускник Казанского университета Пётр Владимирович Владимиров (НА РТ 2).

Для А.С. Архангельского началась нелёгкая в материальном отношении, но приносящая моральное удовлетворение жизнь в Казани: консультации с Н.Н. Буличем, занятия в библиотеках университета и Казанской духовной академии и т. д. Изучение источников и научной литературы велось главным образом по трём отделам русской филологии: истории русского языка, народной словесности и по древнерусской письменности. Через год, в середине апреля 1879 г., отчёт Архангельского о проделанной работе принимали И.А. Бодуэн де Куртенэ и Н.Н. Булич. В представлении о результатах проверки отмечались «неутомимое трудолюбие», «начитанность» Архангельского, сознательное и серьёзное отношение к научной работе, а главное – «бескорыстная любовь к науке», которая «видна из того, что он, не имея достаточных средств, оставил должность и обеспеченное положение учителя гимназии, чтобы готовиться к магистерскому испытанию... что очень выгодно рекомендует его» (НА РТ 1, л. 7 об. – 8).

Ходатайствуя перед историко-филологическим факультетом о назначении Архангельскому, как профессорскому стипендиату, пособия на один год в размере 500–600 рублей, Н.Н. Булич, кстати, не только весьма выгодно охарактеризовал Архангельского, но и привёл два очень веских аргумента:

1) на факультете уже имелся стипендиат П.В. Владимиров, но, как отметил профессор, «дух соперничества не повредит»;

2) мотив «личный», «но для будущей судьбы г. Архангельского важный»: в 1880 г. заканчивался срок службы профессора в университете, продолжать работать более он не хотел «по состоянию здоровья» и надеялся, что молодые учёные успешно «выдержат экзамен на магистра и факультет найдёт в них свежие силы и в особенности молодое соревнование, которое всегда бывает плодотворно»³ (НА РТ 1, л. 8 об.).

Заметим, что далеко не все профессора историко-филологического факультета поддерживали Булича и его учеников. Как писал И.А. Бодуэн де Куртенэ, «...над каждым из профессоров висел дамоклов меч нового выбора по истечении 25-летия и, затем, через каждые пять лет. Поэтому некоторые из этих господ, боясь конкуренции молодых учеников, предполагаемых преемников, старались скорее препятствовать, нежели помогать появлению новых специалистов по их кафедре» (БдК, с. 49). Н.Н. Булич же, как видим, руководствовался прежде всего интересами дела, поэтому «не держал знания под спудом», помогал своим ученикам, стремился подготовить себе смену – квалифицированных преподавателей для кафедры.

В июле 1879 г. решением Министра народного просвещения А.С. Архангельский был оставлен «при университете для приготовления к профессорскому

---

³ Соревнование молодых учёных длилось недолго, так как в 1880 г. П.В. Владимиров оставил университет и начал свою преподавательскую деятельность в Екатеринбургском реальном училище. Магистерскую диссертацию «Великое Зерцало: Из истории русской переводной литературы XVII века» он защитил в Казанском университете (1885), а докторскую диссертацию «Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык» в Санкт-Петербургском университете (1886). С 1888 по 1902 гг. занимал должность профессора кафедры русского языка и словесности Киевского университета (см. [7, с. 38–42]).

званию по русской словесности, сроком на один год», с назначением годовой стипендии в размере 600 рублей (НА РТ 1, л. 9).

Судить о процедуре, содержании, степени сложности и требованиях к магистерскому экзамену, который пришлось выдержать Архангельскому в период с декабря 1879 г. по март 1880 г., мы можем на основании программ, вопросов и протоколов, обнаруженных в Национальном архиве РТ (НА РТ 3).

Испытания проходили в устной и письменной формах. Принимали экзамены члены факультетской комиссии: Н.А. Фирсов (декан), Н.Н. Булич, М.П. Петровский, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Д.А. Корсаков, Н.А. Осокин, И.А. Снегирев, А.И. Смирнов, Д.Ф. Беляев, И. Добротворский (секретарь).

Программу по истории русской словесности составлял Н.Н. Булич. Она содержит девятнадцать вопросов, тринадцать из которых посвящены проблемам историографии русской литературы, русской народной словесности, этапам развития древнерусской литературы, что было вполне оправдано, учитывая научные планы Архангельского. Шесть вопросов по истории литературы Нового времени отражают интересы самого Н.Н. Булича: три из них посвящены XVIII в. и связаны с эпохой Петра Великого и Екатерины II, по одному вопросу о масонстве при Александре I, истории критики до 50-х годов XIX в. и источникам изучения жизни и творчества А.С. Пушкина (НА РТ 3, л. 9–10).

На устном экзамене 18 декабря 1879 г. Архангельскому выпали вопросы: 1) «Современное состояние науки истории русской словесности; вопросы, требующие решения. Главные направления последних трудов. Что не достаёт науке?»; 2). «Ересь жидовствующих в XV – XVI веках, влияние ею произведённое. Вопросы ею поднятые и ответы на них в современной литературе»; 3) «Историческое значение Пушкина. Литература после его смерти. Журналы и отношение их к обществу и тогдашней умственной деятельности» (НА РТ 3, л. 2). А письменный ответ 16 февраля 1880 г. был по теме «Русская первоначальная летопись в историко-литературном отношении. Главные труды по вопросу о ней и результаты» (НА РТ 3, л. 2 об.).

Вопросы, заданные на экзаменах по русскому и церковнославянскому языкам и главным славянским наречиям, тоже были связаны с древним периодом: «Глагол и спряжение. Виды, залоги и времена глагола. История особенностей спряжения по памятникам XI – XV вв.», «Анализ звуков согласных и гласных. Влияние языка старославянского в письменных памятниках его на русские звуки. История звуков в древнерусских памятниках XI – XV вв.», «Очерк истории сербского языка», «Древнейшие памятники церковнославянского языка» и др. (НА РТ 3, л. 3).

Помимо русской филологии, Архангельский проходил испытания по истории новой европейской литературы и славянской филологии. Задания готовили Н.Н. Булич и М.П. Петровский.

Программа по зарубежной литературе поражает широтой, сложностью и актуальностью поставленных проблем. В каждом из вопросов обозначены ещё несколько подвопросов, среди которых обязательны теоретический, историко-литературный и монографический. Например, на экзамене Архангельскому достались такие вопросы, как «История развития европейского классицизма. Его происхождение и отношение к общественной жизни. Главные представители

французского классицизма в различных родах поэзии» и «История романа в английской литературе. Представители романа сатирического (Свифт, Дефо), семейного и реального (Филдинг, Ричардсон, Гольдсмитт, Смоллетт). Историческая школа: Вальтер Скотт. История нравственно-сатирических журналов XVIII века» (НА РТ 3, л. 14–26).

Столь высокие требования к знанию европейской литературы выглядят, на наш взгляд, странными, так как в Казанском университете в течение многих лет не было специалистов по всеобщей литературе и лекции приходилось читать самому Н.Н. Буличу. А вот минимум вопросов (всего пять в программе!) по славянской филологии, пожалуй, удивляет, учитывая традиции славяноведения в Казанском университете, заложенные, как отмечалось выше, ещё В.И. Григоровичем и продолженные М.П. Петровским, тем более что в дальнейшем Архангельскому пришлось всё равно заниматься изучением древнерусской литературы в её связях с древнеславянской письменностью⁴. Таким образом, магистерский экзамен был серьёзнейшей проверкой усвоения профессорским стипендиатом весьма значительного объёма научно-теоретической, критической литературы, а главное – источников.

После сдачи магистерских экзаменов А.С. Архангельский осенью 1880 г. был командирован в Москву и Санкт-Петербург для научных занятий в библиотеках столичных университетов, архивах и книгохранилищах. Цель командировки – подготовка магистерской диссертации на тему «Преподобный Нил Сорский, его литературные идеи и труды в Древней Руси». Изначально планировались консультации Архангельского с профессорами Московского и Санкт-Петербургского университетов, а рекомендации ему дал Н.Н. Булич, которого в обеих российских столицах, как убедительно показывает в своих публикациях М.М. Сидорова, хорошо знали [25].

Как отмечал сам Архангельский в одной из своих автобиографий, в Москве он работал под руководством Ф.И. Буслаева и Н.С. Тихонравова [26]. В очерке «Ф.И. Буслаев в своих “Воспоминаниях” и учёных трудах» он подчеркнул, что личное знакомство с Фёдором Ивановичем Буслаевым состоялось 20 лет назад, поддерживалось все годы и было очень полезным, так как он получал от московского профессора научные указания, советы, письма (Арх. БВ, с. 5). Характеристику научных направления и метода Ф.И. Буслаева, оценку его трудов можно обнаружить во многих статьях, очерках и монографиях Архангельского. Он обратил внимание на необыкновенную творческую активность Ф.И. Буслаева даже после ухода с кафедры, его высокий научный авторитет как в нашей науке, так и за рубежом. Фольклорист, историк русского языка, историк русской и западноевропейской литературы, историк искусства, педагог, Буслаев во всех сферах своей деятельности выступил как новатор, «везде он шёл первым или в числе первых, – везде его труды своим научным направлением отличались от трудов предшествовавших, более ранних, “старых” деятелей науки» (Арх. БВ, с. 31). Однако для Архангельского Буслаев был не только «одним из величайших

---

⁴ И.В. Ягич в «Истории славянской филологии» обратил особое внимание на значение сравнительного изучения славянских литератур, подчеркнув, что такое исследование труднее, чем просто изучение славянских языков и наречий, и назвал «довольно хорошие специальные исследования, главным образом со стороны русских учёных», в числе которых назван и А.С. Архангельский (см. [24, с. 887]).

наших научных деятелей последнего времени», но и «добрым, любящим человеком» (Арх. БВ, с. 5).

Профессора Николая Саввича Тихонравова, ректора Московского университета в 1877–1883 гг., Архангельский считал учеником и последователем Ф.И. Буслаева во многих вопросах (Арх. ПТ, с. 2–3). Неоднократно в своих исследованиях он обращался к выдающимся тихонравовским изданиям русских летописей, апокрифической литературы, русских драматических произведений XVII – начала XVIII в., подчёркивая продуманность, строгую критичность, тщательный отбор и безупречное воспроизведение текстов; повторял мысль о том, что именно Н.С. Тихонравов первым обратил внимание на новое направление в науке, когда история литературы перестала быть сборником разборов избранных текстов и вышла на путь изучения всей массы произведений⁵. Можно обнаружить в трудах Архангельского 1884–1890-х годов и продолжение разработки некоторых тем и проблем, поставленных Тихонравовым: история древнерусского «Луцидариуса», южнославянская апокрифическая литература, история русского театра XVII – XVIII вв., средневековая русская книжность в контексте византийской и славянских литератур и др. В 1887 г. А.С. Архангельский будет принят в действительные члены Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете, председателем которого в это время был Н.С. Тихонравов.

В Санкт-Петербурге А.С. Архангельский обратился за помощью к Павлу Петровичу Вяземскому, бывшему попечителю Казанского учебного округа (1859–1862). В 1862 г. он был переведён в Министерство внутренних дел, а с 5 апреля 1881 г. по 1 января 1883 г. занимал должность начальника главного управления по делам печати. Государственную службу князь Вяземский успешно сочетал с занятиями историей, литературой, палеографией. Его в равной мере интересовали вопросы изучения «Слова о полку Игореве», судьба памятников русской средневековой агиографии, творчество А.С. Пушкина [28]. В 1877 г. по инициативе князя П.П. Вяземского было создано Общество любителей древней письменности, которое имело библиотеку, архив, музей, вело активную издательскую деятельность.

Хранителем библиотеки и Музея древностей Общества любителей древней письменности являлся в то время Евгений Николаевич Опочинин. Фольклорист, журналист, писатель, коллекционер, он увлекался изучением истории театра и русского масонства, занимался разбором архивов и личных бумаг Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Шереметьевых [29].

Активным участником общества был Павел Никитич Тиханов. В 1862–1865 гг. он тоже учился в Казанском университете, слушал лекции В.И. Григоровича и Н.Н. Булича, но отчислился по собственному желанию и переехал в Петербург, стал известным археографом, коллекционером. Им были изданы «Библиотека российская или сведения о всех книгах в России с начала типографий

---

⁵ Очерк А.С. Архангельского «Памяти Н.С. Тихонравова. Учёные труды Н.С. Тихонравова в связи с более ранними изучениями в области истории русской литературы» (Казань, 1894) Е.А. Медведева признаёт «образцом всестороннего и глубокого изучения деятельности учёного, которое предполагает проведение различных параллелей, сравнений, поиск причинно-следственных связей, выявление контекстуальных характеристик» [27, с. 25].

на свет вышедших» епископа Дамаскина (СПб., 1881) и «Каталог российских рукописных книг, находящихся в библиотеке Новгородского Софийского собора» (СПб., 1881).

Безусловно, знакомство с Вяземским, Опочининым, Тихановым, с их опытом архивной, текстологической и публикационной работы было очень полезным для Архангельского как начинающего исследователя. Кроме того, как свидетельствуют письма Архангельского, именно они были в числе первых читателей и критиков глав его магистерской диссертации и сыграли важную роль в её подготовке и издании.

Дело в том, что после выступления с рефератом на заседании Общества любителей древней письменности в 1881 г. и получения от Совета изданий рекомендации к публикации магистерской диссертации в «Памятниках древней письменности и искусства» А.С. Архангельский уехал в Москву. Там он продолжал работать в архивах, переписывал диссертацию для корректоров издательства, вносил «критические поправки». Особенно важной была для Архангельского оценка «Князя» – П.П. Вяземского, он интересуется его мнением практически в каждом письме к Тиханову и Опочинину, которые были посредниками между Архангельским и председателем Общества, редакцией и типографией И. Вощинского, где производился набор текста. Ещё большее значение имела поддержка членов Общества любителей древней письменности в критический период 1882 г.

Как следует из писем, в ноябре 1881 г. у Архангельского умерла сестра и ему было «ни до работы». В декабре он ездил в Пензу к родителям (ОР ИРЛИ. № 821–822). Отправив Е.Н. Опочинину 11 декабря 1881 г. вторую главу диссертации для передачи в типографию, он месяц о ней не вспоминал. Опочинин, видимо, тоже не справлялся о её судьбе в редакции, в результате возникли задержки со сроками набора, и Архангельский не укладывался в хронологические рамки завершения диссертации, намеченные Н.Н. Буличем. В письме от 19 января 1882 г. он выразил надежду, что при «любезном содействии» П.Н. Тиханова «печатание наверстает время, пропущенное... по семейному горю» (ОР РНБ, л. 2). 28 февраля 1882 г. он просил напечатать диссертацию не позднее 10 марта, а в письме от 10 марта сообщил, что диспут назначен на май и диссертация должна быть готова к концу марта. Письма Архангельского полны просьбами: 5 марта – «Ради Бога, употребите все свое влияние...»; 10 марта – «Извините, что докучаю Вам, но что мне делать?»; 11 апреля – «Спасайте! Как хотите, но спасайте! Ошибки на страницах 54, 82–84...»; 23 апреля – «Умоляю!.. Мой диспут на волоске висит... Сам виноват! Но что делать?» (ОР РНБ, л. 3–36).

Таким образом, именно благодаря П.Н. Тиханову и Е.Н. Опочинину диссертация А.С. Архангельского была своевременно издана в «Памятниках» Общества любителей древней письменности под названием «Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в Древней Руси. Историко-литературный очерк. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский» (СПб., 1882) (см. [30]). Формулировка названия монографии, как видим, шире, чем тема магистерской диссертации – к Нилу Сорскому добавлен Вассиан Патрикеев, наследие и дея-

тельность которого Архангельский планировал рассмотреть во второй части исследования, да так и не осуществил этого потом⁶.

Конечно, нельзя не сказать о той помощи, которую в эти годы оказывал Архангельскому Н.Н. Булич. Всякий раз он старался поддержать своего ученика в сложных жизненных обстоятельствах морально и материально, ибо положение «сверхштатного» стипендиата всё время давало о себе знать.

В июне 1880 г. истёк срок, установленный Министерством народного просвещения на сдачу магистерского экзамена, следовательно прекратилась и выплата стипендии. Архангельский, в связи с крайне бедственным материальным положением, вынужден был занимать деньги и неоднократно подавать прошения о выделении ему магистерского пособия для поездки в Москву и Санкт-Петербург для занятий над диссертацией. В одном из них он покорнейше просит факультет дать «в наступающем году *хоть какие-нибудь средства* на жизнь». «В случае отказа, – пишет Архангельский 3 декабря 1880 г., – я буквально не знаю, чем буду существовать дальше: своих денег нет, занять негде, а беспокоить своего, далеко не богатого, старика отца, имея двадцать шесть лет от роду, признаться, слишком тяжело...» (НА РТ 4, л. 5 об.).

Н.Н. Булич делал всё, что мог, чтобы продлить сроки подготовки магистерской диссертации и изыскать средства для А.С. Архангельского. В 1880 г. по ходатайству факультета и университета Министерством народного просвещения была выделена на год стипендия в размере 1000 рублей в год; в августе 1881 г. Архангельскому передали стипендию 600 рублей в год, отпущенную Сергею Орлову, который от неё отказался и уехал работать учителем древних языков в Оренбургскую гимназию. В апреле 1882 г. Булич просит факультет, учитывая, что «университет избавлен от необходимости печатать диссертацию Архангельского на свой счёт в Учёных записках», назначить ему пособие из «свободной факультетской стипендии 150 рублей» (НА РТ 4, л. 11) и т. д.

А.С. Архангельский был чрезвычайно благодарен всем людям, которые поддерживали его в трудную минуту, не давали расслабляться, верили в его успех. Он заказывал в Петербурге и покупал для Н.Н. Булича книги, передавал корреспонденцию из Петербурга в Казань, из Казани в Москву, и наоборот; часто выступал посредником между членами Общества любителей древней письменности и московскими и казанскими филологами, собирал информацию для них и т. д.⁷

Так, например, по поручению Е.Н. Опочинина Архангельский, будучи в Москве, обследовал архив Шереметьевых с целью выявления документов и вещей, имеющих отношение к масонству. В письме от 5 ноября 1881 г. он сообщает: «Оказалось их здесь много, – всех рукописей №№ до 400-т. Все эти рукописи масонских переводных сочинений, которые *не были у нас напечатаны*, ни Новиковым, ни другими. По времени они относятся к XVIII в., но больше к началу XIX столетия. Ими пользовался Пыпин в своих исследованиях по масонству, и в его статьях Вы найдёте более обстоятельные сведения о них... Каталоги

⁶ Мы не будем останавливаться на характеристике магистерской диссертации А.С. Архангельского, так как основные её положения и оценка научной критикой представлены в статье [31].

⁷ Вообще в период подготовки диссертации А.С. Архангельский познакомился со многими известными и начинающими учёными, научные и личные контакты с некоторыми из них, например с Ф.И. Буслаевым, А.Н. Веселовским, А.А. Шахматовым, И.А. Шляпкиным, Н.И. Стороженко, Н.С. Тихонравовым, поддерживались долгие годы.

готовые есть, но ими можно пользоваться только в музее; ни списать, ни того более взять из Музея и переснять их нельзя, – так сообщил мне Викторов: они составляют собственность учреждения. Пыпину и то дали позволение сделать и напечатать только весьма небольшие выдержки» (ОР ИРЛИ, № 819). Он выяснил историю этого собрания масонских материалов, провёл переговоры с хранителем коллекции, чем в какой-то мере проложил путь к новым источникам Е.Н. Опочинину. В письмах 1882 г. Архангельский не только спрашивается о том, «что поделявают масоны», «Как продвигается... изучение масонских материалов, много ли успели собрать, посмотреть?» (ОР ИРЛИ, № 822), но и от души поздравляет Опочинина с «драгоценнейшими находками в архиве Шереметьева» (ОР ИРЛИ, № 823).

Приведённый пример весьма показателен для характеристики А.С. Архангельского, который всегда охотно и щедро делился со своими коллегами научной информацией, архивными материалами и даже вновь открытыми источниками, ничего не требуя взамен (см. также об этом [32]). И это он перенял от своих наставников, как казанских, так и столичных.

Публичное заседание историко-филологического факультета, на котором А.С. Архангельский защитил свою диссертацию, представленную для получения степени магистра русской словесности, состоялось 23 мая 1882 г. в 12 часов дня в актовом зале Императорского Казанского университета. На основании сданных магистерских экзаменов, отзывов о диссертации и самой защиты было принято решение ходатайствовать перед Советом университета «об утверждении кандидата Архангельского в степени магистра русской словесности» (НА РТ 3, л. 53–56). И уже на следующий день Н.Н. Булич подал представление в историко-филологический факультет, в котором «покорнейше просит» «баллотировать молодого учёного в доценты при кафедре русского языка и словесности, которая более двадцати пяти лет занята лишь одним преподавателем», то есть им самим (НА РТ 5, л. 1). Снова ясно обозначено желание профессора подготовить себе замену, видеть на своём месте ученика – А.С. Архангельского, тем более что две пробные лекции его были одобрены факультетом. Факультет, а затем и Совет университета поддержали ходатайство Булича. С 29 мая 1882 г. попечителем Казанского учебного округа Архангельский утверждён доцентом при кафедре русской словесности (НА РТ 5, л. 4), а в связи с вступлением в силу нового Устава университетов, 1 октября 1884 г. он был возведён в звание экстраординарного профессора.

Таким образом, достойное завершение Архангельским одного из важнейших этапов на пути к научно-педагогической деятельности было обусловлено как его личными качествами (упорство, целеустремленность, трудолюбие, добросовестность), так и складывающейся системой подготовки выпускников к профессорскому званию. В этой системе был сфокусирован опыт ведущих университетов России и Европы, включающий высокий уровень образования студентов, повышенные требования к отбору кандидатов для приготовления к профессорскому званию, специализацию направления исследований, продуманность форм, видов научной подготовки и контроля (магистерский экзамен, отчёты, командировки для работы в архивах, библиотеках, консультации и т. д.),

нацеленность на успех стипендиата и его наставника-профессора, сотрудничество провинциальных и столичных университетов и т. д.

Четверть века А.С. Архангельский служил в Императорском Казанском университете (1882–1908), десять лет работал и преподавал в Санкт-Петербурге, а после революции 1917 г. он вернулся в Симбирск, чтобы участвовать в создании Симбирского университета, был его первым ректором. И всегда он помнил о тех, кто принимал участие в его судьбе, кто помог ему проложить путь в науку.

Summary

L.Ya. Voronova. A.S. Arkhangelsky: The Way to Science.

This article deals with one of the stages (1872–1882) in the life and scientific work of A.S. Arkhangelsky, a professor at Kazan University and a prominent representative of Russian academic literary criticism. Based on documentary sources, we traced the formation of Arkhangelsky as a scholar, identified a set of people who influenced his views, and revealed how the philologists of Kazan, Moscow and Saint Petersburg interacted in the sphere of preparation of scientific manpower in Russian literature.

Keywords: A. Arkhangelsky, biography, Kazan University, N. Bulich, history of Russian literary criticism.

Источники

- К. – *Корсаков Д.А.* Былое из казанской жизни // Казанский университет в периодической печати: 1870–1890-е годы / Сост. Л.М. Пивоварова, Б.И. Колмаков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – С. 246–255.
- БДК – *Бодуэн де Куртене И.А.* Лингвистические заметки и афоризмы (1903) // Избр. тр. по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. II. – С. 33–55.
- НА РТ 1 – Об оставлении при университете преподавателя Симбирской гимназии А.С. Архангельского в качестве сверхштатного стипендиата. 1 мая 1878 – 3 августа 1879 гг. // НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 977. Оп. Ист.-фил.ф. Д. 1105. 10 л.
- НА РТ 2 – Об оставлении кандидата Петра Владимировича при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской словесности. 22 августа 1877 – 18 февраля 1880 гг. // НА РТ. Ф. 977. Оп. Ист.-фил.ф. Д. 1084. 12 л.
- НА РТ 3 – Об испытании кандидата А.С. Архангельского на степень магистра по истории русской словесности. 27 ноября 1879 – 23 мая 1882 гг. // НА РТ. Ф. 977. Оп. Ист.-фил.ф. Д. 1126. 55 л.
- Арх. БВ – *Архангельский А.С.* Ф.И. Буслаев в своих «Воспоминаниях» и учёных трудах. – Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1899. – 79 с. (Отд. отт. из: ИОАИЭ. – 1899. – № 510. – Вып. 4. – С. 361–435).
- Арх. ПТ – *Архангельский А.С.* Памяти Н.С. Тихонравова. Учёные труды Н.С. Тихонравова в связи с более ранними изучениями в области истории русской литературы. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1894. – 87 с. (Отд. отт. из: Учен. зап. Казан. ун-та. – 1894. – Т. III. – С. 9–98).
- РО ИРЛИ – Письма А.С. Архангельского Е.Н. Опочинину // РО ИРЛИ (Рукоп. отд. Ин-та рус. лит.). Архив Опочинина. Ф. Р. III. Оп. 2. № 819–829. 22 л.
- ОР РНБ – *Архангельский А.С.* Письма и записки на визитных карточках П.Н. Тиханову // ОР РНБ (Отд. рукоп. Рос. нац. библ.). Арх. П.Н. Тиханова. Ф. 777. Ед. хр. 420. 66 л.

- НА РТ 4 – О командировании кандидата А.С. Архангельского на год в столицы империи из сумм Министерства народного просвещения – 1000 руб. 4 мая 1880 – 7 апреля 1882 гг. // НА РТ. Ф. 977. Оп. Ист.-фил.ф. Д. 1158. 11 л.
- НА РТ 5 – Об избрании магистра А.С. Архангельского в должности доцента при кафедре русской словесности. 24 мая 1882 – 27 августа 1882 гг. // НА РТ. Ф. 977. Оп. Ист.-фил.ф. Д. 1227. 4 л.

Литература

1. Гапоненков А.А. Историко-филологический факультет Саратовского университета. Из летописи событий 1917–1919 гг. // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2005. – Т. 5, вып. 1/2. – С. 8–25.
2. К истории филологического образования в Саратовском университете // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2006. – Т. 6, вып. 1/2. – С. 4–58.
3. К 60-летию филологического факультета // Филол. науки. – 2001. – Вып. 17. – С. 190–248.
4. Кораблев А.А. Донецкая филологическая школа в контексте современного литературоведения. – URL: <http://holos.org.ru/2009/aakorablev-doneckaya-filologicheskaya-shkola/>, свободный.
5. Нигматуллина Ю.Г. Системно-комплексное исследование художественного творчества: история научного направления в Казанском университете. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 250 с.
6. Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009: Материалы к биограф. слов. / Сост. В.В. Прозоров, А.А. Гапоненков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. – 288 с.
7. Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): биобиблиогр. слов. / Сост. Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – 230 с.
8. Писатели современной эпохи: биобиблиогр. слов. рус. писателей XX в. / Под ред. Б.П. Козьмина. – М., 1928. – Т. 1. – 288 с.
9. Славяноведение в дореволюционной России: биобиблиогр. слов. – М.: Наука, 1979. – 429 с.
10. Русские писатели, 1800–1917: биограф. слов. – М.: Сов. энцикл., 1989. – Т. 1. – 671 с.
11. Воронова Л.Я. Александр Семёнович Архангельский (1854–1926). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 32 с. (Выдающиеся учёные Казанского университета).
12. Архангельский А.С. // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных (от начала русской образованности до наших дней): в 6 т. – СПб., 1889. – Т. 1. – С. 811.
13. Архангельский А.С. // Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете (1811–1911). – М.: Печатня А.И. Снегирёвой, 1911. – С. 18–19.
14. Русская интеллигенция: Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгерова: Аннот. указ.: в 2 т. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 1: А–Л. – 640 с.
15. Очерки истории Казанского университета. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 380 с.
16. История Казанского университета, 1804–2004 / Гл. ред. И.П. Ермолаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 656 с.
17. Лантева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. – М.: Индрик, 2012. – 840 с.

18. *Исаков А.П., Исаков Е.П.* Летопись Казанского государственного университета (история в фактах, подтверждённых документами): в 2 т. – Казань: Дизайн-студия «МИАН», 2004. – Т. 1: 1804–1945. – 488 с.
19. *Сидорова М.М.* Николай Никитич Булич, 1824–1895. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 28 с. (Выдающиеся учёные Казанского университета).
20. *Николаев Г.А.* Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, 1845–1929. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 20 с. (Выдающиеся учёные Казанского университета).
21. *Мягков Г.П., Макарова Н.И.* Отец и сын Петровские: два поколения казанской школы славяноведения // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2006. – Т. 148, кн. 4. – С. 62–76.
22. *Мягков Г.П., Недашковская Н.И.* Провинциальные научные школы: разрывы традиции как схолярные практики (на материале истории медиэвистики и славяноведения в Казани) // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С. 292–313.
23. *Макарова Н.И.* И.Я. Порфирьев как исследователь русской литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2000. – 23 с.
24. *Ягич И.В.* История славянской филологии. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1910. – [4], VIII, 961 с.
25. *Сидорова М.М.* Автографы в книжном собрании Н.Н. Булича // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2007. – Т. 149, кн. 2. – С. 36–45.
26. *Архангельский А.С.* // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914) / Под ред. графини П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. – М., 1915. – Т. II – С. 17–18.
27. *Медведева Е.А.* Концепция личности Н.С. Тихонравова в биографических очерках С.О. Долгова, А.С. Архангельского, А.Н. Пыпина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 3. – С. 21–28.
28. *Панца А.Ф.* Вяземский Павел Петрович // Русские писатели, 1800–1917: Биогр. слов. – М.: Сов. энцикл., 1989. – Т. 1. – С. 501.
29. *Одесская М.М.* Опочинин Евгений Николаевич // Русские писатели, 1800–1917: Биогр. слов. – М.: Большая Рос. энцикл., 1999. – Т. 4. – С. 441–442.
30. *Архангельский А.С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в Древней Руси: Ист.-лит. очерк. – СПб.: Тип. И. Вошинского, 1882. – Ч. 1: Преподобный Нил Сорский. – 283+20 с. (Памятники древней письменности и искусства. XXV. Изд. Имп. О-ва любителей древней письменности).
31. *Воронова Л.Я.* Концепция личности Нила Сорского А.С. Архангельского // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2006. – Т. 148., кн. 3. – С. 214–222.
32. *Воронова Л.Я.* А.С. Архангельский как исследователь творчества А.С. Жуковского // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2007. – Т. 149, кн. 2. – С. 11–23.

Поступила в редакцию
29.01.13

Воронова Людмила Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории русской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Ljudmila.Voronova@kpfu.ru